

Глава XVIII

Борис прошелся по спальне и плюхнулся в кресло, положив коммуникатор на журнальный столик. В квартире было свежо, даже прохладно от открытого настежь окна, но по его спине стекал ручейками пот. Он сжал кулак и осмотрел сбитые костяшки. Из соседней комнаты доносились стоны и мольбы о пощаде. Борис откинулся назад и прикрыл глаза, думая о тех местах, где предпочел бы сейчас оказаться. Скажем, в Таиланде. Нет. Там сейчас слишком опасно. Вся эта обостренная обстановка с Северной Кореей распространилась уже слишком далеко. Или на Кипре. Да на худой конец даже в Крыму. Но сегодня он вновь нажрется в Утопии. И поскорей бы. Подальше бы отсюда, где воняет смертью. За их работу Бык платил хорошие деньги, но убивать и калечить доставляло удовольствие только его брату Роману. Сегодня они приехали к очередному должнику. Молодой отец семейства решил разбогатеть на ставках в «Граках». Это удавалось не многим. Стоны в соседней комнате стихли.

— Кто звонил? — Роман зашел в спальню и вытер окровавленные руки о штору.

— Тимур, — не открывая глаз, ответил Борис.

— И?

— Сказал, что у него появился хороший игрок.

— И что будешь делать? — Роман заглянул на кухню и вернулся с початой бутылкой водки.

— Нужно Быку сообщить. Он вновь готовит команды для игры.

— Да в жопу его. Давай хоть раз сами свой экипаж создадим и сыграем. Отложенных денег у нас хватит, чтобы сделать ставку и потом докупить апгрейд технике.

Борис открыл глаза и посмотрел на брата, который приложился к бутылке. Они были двойняшками почти одинаковыми ни лицо. Борис был младше Романа на десять минут, хотя занимал в их тандеме лидирующее место и был мозгом. Старший всегда играл роль отбойного молотка. Их детство до тринадцати лет прошло в приюте. Мать отказалась от них еще при рождении. И возможно все у них сложилось бы иначе, если бы у Романа не обнаружилось пристрастия к садизму. Когда он выпотрошил собаку, которую подкармливали все воспитанники детского заведения, это стало последней каплей для воспитателей приюта. Его было решено отправить на лечение в психиатрическую больницу. И тогда Борис решил бежать, прихватив брата с собой. А дальше все понеслось по наклонной.

— Рома, Рома. Не был бы ты моим братом, дал бы тебе сейчас по морде.

— За что?

— За то. За то, что у тебя тормозов нет. Чтобы что-то организовать, нужно хорошенько все продумать, а у тебя с этим проблемы постоянно.

— Ну а ты на что?

— Вот я и думаю.

— А чего думать-то?

— Твою мать, — Борис ударил рукой по подлокотнику. — Ты знаешь такое выражение как «один в поле не воин»? Чтобы сорвать денег в игре, нужен хороший экипаж, а у нас с тобой только водитель имеется. Понимаешь? Да и тот без уха. Вот скажи мне, ты на хрена ему ухо отрезал?

— Ты опять за старое? Проехали же уже давно. Тем более Бык сказал, делайте с ним что хотите, — недовольно оправдался Роман.

— «Делайте, что хотите» у Быка означает только одно. И не мне тебе рассказывать что. И дай сюда бутылку.

Борис жадно сделал несколько глотков.

— Зато у нас есть водитель юнита, — растянувшись в улыбке, произнес Роман. — Да и Бык думает, что мы его на тот свет отправили.

— А узнает и нам с тобой крышка, — Борис приложился к бутылке. — У нас с тобой не столько много денег. Так что если мы решимся на это, то я должен быть полностью уверен в том, что юнит, на который будут поставлены деньги, проживет на арене хотя бы первый бой. Ладно. Если Тимур найдет еще одного игрока, можно будет что-то порешать.

— А если нет?

— А если нет, то от нашего дружка придется избавиться как от ненужного балласта. Хотя может было бы лучше это сделать сразу.

— Да брось. Он сейчас как на курорте отдыхает. Сидит в отдельной зоне ожидания, созданной специально для игроков. На счету пятьсот юаней. Может себе позволить хорошую жрачку и бухло. Даже девок. А мог бы кормить червей. Так что я думаю, он еще нам благодарен должен быть. Да и я ему не руку же отрезал, а ухо.

— Я поражаюсь ходу твоих мыслей.

— Гы, — Роман ощерился в бестолковой улыбке.

— Я и без тебя знаю, где он сейчас. Если бы мне не осточертело то, что мы делаем, я бы в эту авантюру даже и не сунулся.

— А мне нравится наша работа.

— Кто бы сомневался, — Борис сделал глоток, убрал коммуникатор и поднялся, передав бутылку брату. — Нужно здесь заканчивать и убираться. Что он там притих? Пойдем, приведем его в чувства. Надеюсь, ты доходчиво объяснил парню, что он должен вернуть деньги через неделю.

— Это... Слушай... — начал Роман, следуя за Борисом, но уперся в его спину.

— Господи Иисусе! — Борис обернулся к брату. — Ты больной на всю голову дебил!

В комнате находилось тело, привязанное к стулу. Из груди торчала рукоять кухонного ножа. Голова была запрокинута назад и держалась лишь на небольшом клочке кожи. В углу лежала женщина с безумным взглядом, связанная по рукам и ногам. Она лишь слегка постанывала, издавая звуки, похожие на мышинный писк.

— Тебя и на минуту оставить одного нельзя? Сколько тебе раз говорить, чтобы ты контролировал свои желания?

— Чужие слабости нужно уважать, — насупившись, ответил Роман.

— Гребанный ты маньяк. Сказано же было просто напугать. Попрессовать немного и все. А ты чего натворил?

— Напугал. Знаешь, как ему страшно было?

— Представляю.

Коммуникатор Бориса зазвонил.

— Да. Понял. Да. Скоро будем.

— Кто там?

— Ганс звонил. Бык ночью отжигал. Нужно подчистить. В Утопии разьяснят детали. Как же мне это все осточертело, — он обхватил ладонями лицо. — Ладно. Бабу эту пристрели, потом подожги квартиру. Я тебя внизу буду ждать в машине. И ради всего святого, Роман, просто убей ее и все. Не вздумай с ней развлекаться и не смей ее заживо сжигать. Ты меня понял?

— Да понял, понял.